

Глазков Александр Петрович

ПЛАТОНИЗМ И АСКЕТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

В статье рассматривается проблема возможности влияния платонизма на древнерусскую философию и, соответственно, на становление русской философской традиции в целом. Проводится сравнительный анализ фундаментальных мировоззренческих основ двух типов философии: платонической и христианской. Автор приходит к выводу, что из-за глубоких расхождений на религиозном уровне не было духовных оснований для проникновения платонизма в древнерусскую философию. Русская средневековая аскетическая философия является прямой преемницей византийской патристики, поэтому она унаследовала и сложившееся в Византии отношение к философии Платона и платонической философской традиции в целом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/10-1/14.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. I. С. 64-66. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

23. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция – память / пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17-50.
24. О почётном звании Российской Федерации «Город воинской славы» [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 09.05.2006 г. № 68-ФЗ. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=60090> (дата обращения: 01.07.2015).
25. Общероссийский парад Победы впервые состоится 9 мая 2010 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.9maya.ru/2009/12/22/obshherossijskij-parad-pobedy-vpervye-sostoitsya.html> (дата обращения: 01.07.2015).
26. Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / пер. с англ. Д. Хлевнюк // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40-74.
27. Рагимешина Т. В. Влияние политики культурного наследия на политическую культуру современного российского общества // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2012. № 5. С. 128-135.
28. Рагимешина Т. В. Культурное наследие в российской политике государственной памяти // Власть. 2012. № 10. С. 60-64.
29. Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с фр. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
30. Савельева И. М., Полетаев А. В. Античность: формирование значений // Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история: в 2-х т. СПб.: Наука, 2003. Т. 1. Конструирование прошлого. С. 16-34.
31. Танки вернутся на Красную площадь 9 мая 2008 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lenta.ru/news/2008/01/15/tanks/> (дата обращения: 01.07.2015).
32. Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. 285 с.
33. Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. Глубинные основания конструирования образа современной России // Проблемы управления в социальных системах. 2010. Т. 2. № 3. С. 6-21.
34. Halbwachs M. The Collective Memory. N. Y.: University of Chicago Press, 1980. 182 p.
35. Shils E. Tradition. Chicago: University of Chicago Press, 1981. 334 p.
36. The Invention of Tradition / ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 320 p.

POLICY OF MEMORY IN THE PRACTICE OF SOCIAL CONSTRUCTION OF POLITICAL IDENTITY

Gigauri David Iraklievich

Saint Petersburg State University

david.aspirant@gmail.com

The article examines theoretical approaches to investigating the practices of the social construction of political identity using the symbolic resources of collective memory. The policy of memory is considered as a practice of the social construction of political community within the framework of the process of the symbolic policy of authoritative elites. The author analyzes the possibilities to study the temporal structures of symbolic policy and political memory for the social construction of political identity.

Key words and phrases: policy of memory; collective memory; historical policy; political identity; symbolic policy; social construction; temporal structures; images of the past.

УДК 141.44

Философские науки

В статье рассматривается проблема возможности влияния платонизма на древнерусскую философию и, соответственно, на становление русской философской традиции в целом. Проводится сравнительный анализ фундаментальных мировоззренческих основ двух типов философии: платонической и христианской. Автор приходит к выводу, что из-за глубоких расхождений на религиозном уровне не было духовных оснований для проникновения платонизма в древнерусскую философию. Русская средневековая аскетическая философия является прямой преемницей византийской патристики, поэтому она унаследовала и сложившееся в Византии отношение к философии Платона и платонической философской традиции в целом.

Ключевые слова и фразы: платонизм; русская средневековая философия; аскетическая философия; патристика; интуиция тела; теоцентрический синтез.

Глазков Александр Петрович, к. филос. н., доцент

Волжский государственный университет водного транспорта (филиал) в г. Астрахани

alpglazkov@yandex.ru

ПЛАТОНИЗМ И АСКЕТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ[©]

Философия средневековой Руси органично входит в философскую традицию христианской патристики, поэтому исследование принципиального отношения патристики к философии Платона позволяет решить вопрос о возможности влияния платонизма на русскую средневековую философию в целом.

Сущность платонизма очень хорошо выразил известный русский философ А. Ф. Лосев. Вот, что он пишет: «Что такое платонизм? <...> платонизм есть систематически разработанная интуиция *тела*. Он не знает идеального мира в его чистой идеальности. Он знает лишь тождество “идеального” и “реального”, в результате какого формализуется идея и холодеет “реальное”, вещь. Но это значит, что платонизм есть абсолютный

монизм чувственного и сверхчувственного. То и другое, конечно, остается для него совершенно самостоятельной категорией, и тут между категориями – обычная диалектика. Но реально-жизненно, интуитивно – тут полная целость и тождество, нерасторжимая единичность, *тело, статуя*» [5, с. 868]. Платон говорит лишь о разных типах телесности: тело может сжиматься и расширяться и по самому своему пространству, то есть, становится даже совсем «бесплотным», то есть не занимать никакого пространства, но это все относится к форме бытия и форме проявления вещи, а не к самому смыслу, или идее ее. А. Ф. Лосев подчеркивает: «Идея вещи остается всегда же телесной» [Там же, с. 869]. Исходя из этого понимания, присущего платонизму, выясняется и главный, принципиальный вопрос, который разделяет христианство и платонизм – это отношение Бога и мира. Лосев пишет: «Бог и мир как категории, конечно, вполне разделены в платонизме и даже взаимопротивоположны. Но субстанционально, это – *одно и единственное бытие*, обоженный космос и вещественное божество. Какое бы ни было противостояние Бога и мира в платонизме, он (*т.е. платонизм – прим. автора – А. Г.*) всегда мыслит Бога абсолютно имманентным миру и бытию» [Там же]. Это одно и единственно возможное божество-космос-тело [Там же]. Из этого фундаментального мировоззренческого положения вытекает и другой принципиально важный момент – платонизм мыслит всех людей как *богочеловеков*. Как замечает А. Ф. Лосев: «В платонизме все человеки одинаково суть *субстанциальные, ипостасийные воплощения божества*; и тут не может быть никакой существенной разницы между человеком и богочеловеком» [Там же, с. 869-870]. Таким образом, принципиальная философская и мировоззренческая сторона платонизма содержит в себе имманентизм и монизм. В результате естественным выводом для платонизма становится представление о «субстанциональном характере души и, наоборот, о несубстанциональном характере теле, т.е. к выводу о том, что человек – это душа» [4, с. 51]. Отсюда и отношение к телу человека как темнице души, как к оковам, от которых необходимо освобождаться.

В отличие от платонизма для христианства, на котором основана патристика, характерно признание онтологического различия Бога и мира, Бога и человека. Человек же, как создание Божие, который сотворен по образу и подобию самого Бога, мыслится целостно, как соединенные вместе душа и тело. Сам Бог воплотился в теле человека и воскрес в этом теле, тем самым предварив и воскресение всех людей, опять же в своих телах. Никакого презрения к телу христианство не предполагает. Тело как плотское начало может быть источником греховных помыслов, но грех может рождаться и в человеческой душе.

По традиции в Византийской империи античных авторов изучали в образовательных целях как часть культурного наследия. Но как только кто-то пытался подменить христианство платонизмом, как например, в случае с византийским философом Италом, то сразу же срабатывал церковный механизм защиты христианства от такого еретического по сути искажения. Для этого были четко выработанные критерии понимания евангельских истин, которые содержались в определениях Вселенских соборов и в учении святых отцов Церкви. Эти критерии позволяли выявлять еретические заблуждения тех, кто пытался платонизировать христианство, что и продемонстрировали византийские соборы XI века.

Как религия христианство не нуждается в какой-либо языческой философии, или «естественной теологии» (метафизике). Для спасения человека, а именно в этом смысл всего христианства, достаточно знать основные истины Евангелия и жить по евангельским заповедям, которые дал Иисус Христос. Евангелия, в которых благовествуются о царстве Божием, жизни, смерти и воскресении Иисуса Христа, по своему существу не соотносятся с платонизмом, и по образному выражению Павла действительно являются для «эллинов» (т.е. античной философии) безумием. Однако, как известно, античная философия не была отброшена христианами мыслителями. Распространение христианства в различных слоях античного общества, в том числе и среди интеллектуалов, необходимость создания апологетических трудов, обращенных к образованной элите Римской империи, защита ортодоксальности христианского вероучения – все это потребовало внимательной и очень сложной работы с теми направлениями античной философии, которые были ближе всего к христианству. Как заметил Г. В. Флоровский: «Нужно было перековать античные слова, переплавить античные понятия» [9, с. 120-121]. Этот синтез эллинистической философии и христианской религиозности, который был начат в рамках апологетики, а потом завершен в патристике, осуществлялся на принципиальной основе христианской веры и, соответственно, онтологического различия Бога и мира, а не космоцентрического язычества или пантеизма античной философии. Античные понятия переосмысливались через призму христианских догматических установок. В результате теоцентрического синтеза христианство в своих философских формах обрело новые возможности для изложения своих истин. То, что христианство стало усваиваться интеллектуальной элитой античного общества, было свидетельством силы христианской веры, но вместе с тем это усвоение породило и опасность проникновения в церковную среду философских идей, чуждых духу христианства. Борьба с многочисленными ересями позволила в конечном итоге создать мощную христианскую философию, способную противостоять любым попыткам исказить суть христианского вероучения. Именно такую философию и получила в свое распоряжение Русь через крещение от Византии. И эта философия развивалась в ответах на злободневные проблемы уже применительно к специфическим условиям средневековой Руси, а потом и России в целом.

Надо отметить, что на Руси знали о философии Платона. Так, например, в византийской «Хронике» Георгия Амартола, которая была известна в Киевской Руси, и для которой, по словам О. В. Творогова характерно особое пристрастие к обширным философским рассуждениям [1, с. 66], о Платоне сообщается больше всего [Там же, с. 68]. О Платоне сообщается, что он был «славный в елинех» и «премудрый» [Там же]. Изречения языческих («внешних») философов имеются и в одном из самых почитаемых сборников афоризмов «Пчела», который был переведен на русский язык в XI-XIII вв. [7, с. 137]. Были и знатоки античной философии, например, в Киевской Руси – это Климент Смолятич, который, судя по всему, получил высшее византийское образование в Константинополе, что предполагало знание древнегреческой литературы

и философии [3, с. 178]. В Московской Руси знанием античной философии и, соответственно, философии Платона, выделяется Максим Грек (Михаил Триволис). До пострижения в монашество, Михаил был близок к деятелям культуры Возрождения, некоторое время жил во Флоренции, центре платонизма эпохи Возрождения, был знаком с Марсилио Фичино [8, с. 90] и другими гуманистами.

Также можно отнести к знатокам античной философии и греков-византийцев, составляющих высший епископат Киевской Руси. К тому моменту, когда Русь принимала христианство, когда зарождалась русская христианская философия, в византийской философской мысли приобрело большое значение богословское наследие Максима Исповедника. В XI веке, то есть к моменту формирования древнерусской философии, труды Максима Исповедника в традиционно ориентированных православных кругах, как замечает В. М. Лурье, «приобретают статус обязательного богословского чтения, несмотря на всю сложность его творений» [6, с. 494-495]. В. М. Лурье пишет: «Можно утверждать, что конец XI века – эпоха утверждения св. Максима как одного из главных отцов Церкви и непререкаемого богословского авторитета, а не только борца против монофелитской ереси» [Там же, с. 495]. Может быть, поэтому не случайно, что один из важнейших источников знаний философского и богословского характера Изборник 1073 г. содержал, наряду с другими представителями византийской патристики, и фрагменты, принадлежащие Максиму Исповеднику [1, с. 63]. А позиция Максима исповедника по отношению к Платону была резко отрицательная. Достаточно, указать на его комментарии к Дионисию Ареопагиту, чтобы в этом убедиться. Приведем в пример следующий его комментарий о первообразах и идеях: «Платон изложил учение об идеях и первообразах вульгарно и недостойным Бога образом; отец же (*имеется в виду Дионисий Ареопагит – прим. автора – А. Г.*), воспользовавшись этим термином, изложил мысль благочестиво» [2, с. 431]. Попытка платоников XI в. Пселла и Итала заменить парадигму Максима на Прокла, т.е. на неоплатонизм, как известно, потерпела полную неудачу, и платонизм был официально осужден на церковных соборах Византии.

Традиционно сложившихся условий, по которым языческая античная философия могла бы пользоваться на Руси особым вниманием, не было, не было и мотивов обращения к Платону. Как мы уже выше рассматривали, платонизм несовместим с христианством на принципиальном уровне. Именно эта опасность подмены христианства платонизмом и стала причиной, почему Максим Грек отошел от флорентийских философов [1, с. 189]. Как пишут М. Н. Громов и Н. С. Козлов: «Это был своеобразный протест против возрожденческого “неопагинизма” (неоязычества), в котором он разочаровался» [Там же, с. 190]. При всем искреннем уважении Максима Грека к Платону, которого он называл верховным философом античности, для него он все же оставался принадлежащим к «внешней» философии. То есть к той, которую можно уважать за глубину мысли, но при этом держать ее, если так можно выразиться, на принципиальном расстоянии.

Платонизм возрождается в тех интеллектуальных кругах, где в своих философских размышлениях начинают отходить от догматов христианства. В самый же трудный и неустойчивый период становления древнерусской философии Русь находилась под бдительным присмотром византийцев, обостренным борьбой именно с платонизмом. Аскетическая же практическая философия, которая установилась по образцу византийской и преобладающая в Руси средневековой, строго придерживалась воспринятых и усвоенных христианских догматов, святоотеческого Предания и в платонизме не нуждалась.

Список литературы

1. Громов М. Н., Козлов Н. С. Русская философская мысль XI-XVII веков. М.: Изд-во МГУ, 1990. 288 с.
2. Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника. СПб.: Алетейя; Изд-во Олега Абышко, 2002. 854 с.
3. Климент Смолятич. Послание Фоме // Златоустрий. Древняя Русь X-XIII веков. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 178-190.
4. Лега В. П. Плотин, патристика и современность. Апологетические очерки. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2002. 123 с.
5. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 959 с.
6. Лурье В. М. История византийской философии. Формативный период. СПб.: Аxioma, 2006. 575 с.
7. Пустарников В. Ф. Патристическая литература в контексте закономерностей эпохи перехода от восточнославянской древности к русскому, украинскому и белорусскому средневековью (конец XIII – конец XIV вв.) // Философская мысль в Древней Руси. М.: Кругъ, 2005. С. 127-140.
8. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1989. Вып. 2. Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 2. 528 с.
9. Флоровский Г. В. Восточные Отцы Церкви. М.: АСТ, 2003. 633 с.

PLATONISM AND ASCETIC PHILOSOPHY OF MEDIEVAL RUSSIA

Glazkov Aleksandr Petrovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Volga State University of Water Transport (Branch) in Astrakhan
alpglazkov@yandex.ru

The article examines the possibility for the influence of Platonism on ancient Russian philosophy and, consequently, on the formation of Russian philosophical tradition on the whole. The paper provides a comparative analysis of the basic ideological foundations for the two types of philosophy: Platonic and Christian ones. The author concludes that because of cardinal differences at religious level there were no spiritual foundations for the penetration of Platonism into ancient Russian philosophy. Russian medieval ascetic philosophy is an immediate successor of Byzantine patristics, that's why it also inherited established in the Byzantine Empire attitude to Plato's philosophy and Platonic philosophical tradition on the whole.

Key words and phrases: Platonism; Russian medieval philosophy; ascetic philosophy; patristics; intuition of body; theocentric synthesis.